

*Александр
Тамоников*

**ЖАЛЬ,
НЕ ДОБИЛИ**

*Москва
2017*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Волкова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Жаль, не доби́ли / Александр Тамоников. — Москва :
Эксмо, 2017. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-699-97014-8

1946 год, Львов. Капитан СМЕРШа Алексей Кравец назначен начальником местного райотдела МГБ. Главной задачей оперативников по-прежнему остается ликвидация банд националистов. В их рядах — и личный враг Алексея, Нестор Бабула. Снова горят дома мирных украинцев и поляков, снова льется кровь. Капитан готовит решающую операцию по уничтожению бандитов. Но матерый Бабула начеку. Срабатывает устроенная им ловушка, и раненый Кравец попадает в плен к бандеровцам. Час расплаты настал, вопрос только в том, кто сумеет выстрелить первым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А., 2017
ISBN 978-5-699-97014-8 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Все, изложенное в книге,
является плодом авторского во-
ображения. Всякие совпадения
случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

Сентябрь 1946 года

город Львов

Кашлянул охранник, заскрипели дверные петли. Бывший капитан контрразведки Смерш Алексей Кравец открыл глаза, начал подниматься с нар, обитых железом.

«Вот и прошли твои лучшие денечки, — проплыла невеселая мысль, когда на пороге вырос плечистый охранник с кобурой на ремне. — А ведь этот надзиратель ни хрена не смыслит в своем ремесле. Я могу одним ударом вывести его из равновесия и завладеть оружием, — машинально подметил Алексей. — Даже автоматчик за спиной не особая помеха. Достать ногой и вырубить к той-то матери».

Он тоскливо вздохнул, прищурился. В коридоре горел пронзительно-яркий свет.

— На выход, — лаконично бросил надзиратель и добавил, когда арестант проплелся мимо: — Руки за спину, лицом к стене.

Конвоир гремел засовом, источая запах дешевого одеколона.

«Надеюсь, не на расстрел», — подумал Алексей, равнодушно созерцая трещину в стене.

Впрочем, он знал, что в подвалах областного управления расстрелы не производились. Смертные приговоры приводились в исполнение в тюрьме под названием Бригидки, в подвале со стороны улицы Городецкой. Эту точку специально обученные люди незатейливо называли постом номер один. Осужденный враг Советского государства вставал лицом к холодной стенке, и сотрудник карательного аппарата стрелял ему в затылок из «нагана». Убитых вывозили за город, там выгружали, закапывали.

Врагов у Советской власти оставалось множество, хотя не все они были настоящими. Достойный пример тому — Алексей Кравец, капитан упраздненной контрразведки Смерш.

— Вперед, — буркнул ему в затылок надзиратель. — Прямо по коридору и на лестницу.

Недельное пребывание в застенках не пошло на пользу организму. Арестант не чувствовал себя отдохнувшим. Ноги были ватные, гудела голова, в сознании преобладало безразличие. Он плелся по коридору, поднимался вверх, преодолевая ломоту в суставах. Снова механические команды: «На месте!», «Лицом к стене!», «Пошел!». Сегодня конвоиры обращались с ним вежливо.

В помещении для допросов сидел знакомый капитан госбезопасности Желтухин и делал вид, будто внимательно изучает какие-то бумаги. Этого рябого карлика Алексей ненавидел всей

душой. Трижды в неделю тот вызывал его на допрос, задавал тупые вопросы, предъявлял вздорные обвинения, основанные непонятно на чем. В прошлый раз Желтухин сорвался, схватил настольную лампу и несколько раз огрел арестанта по затылку, да с такой злостью, что голова взрывалась до сих пор.

На этот раз Желтухин не предложил ему присесть. Капитан хмурился, сводил густые брови, отложил потрепанную папку, мазнул быстрым взглядом арестанта.

Тот был одет в гражданское. В чем привезли неделю назад, в том и остался. Штаны и пиджак висели мешком, в них прочно впитался гнилостный дух неволи. Лицо осунулось, обросло щетиной, в запавших глазах застыло равнодушие.

— Здравствуйте, Алексей Викторович. Должен сообщить хорошую новость. Ваше дело рассмотрено на уровне областной инстанции, вынесено решение. В ваших действиях не выявлено состава преступления. Вы свободны. Можете продолжать выполнять свои обязанности. — Он хотел еще что-то добавить, но передумал и с сожалением уставился на табуретку, стоявшую у дальней стены.

В груди Алексея что-то шевельнулось, но не сильно. До него еще не дошла суть того, что он сейчас услышал.

— Вы понимаете меня? — Глаза капитана Желтухина перестали блуждать и зафиксировались на понурой фигуре.

— Смутно, гражданин капитан, — выдавил несостоявшийся враг народа. — Намекаете, что расстреливать не будут?

— А вы хотите? Ваше дело закрыто, вы свободны. Ошибки случаются, никто от них не застрахован. Вам вернут ваши личные вещи, оружие, правительственные награды и служебные документы. Вы по-прежнему сотрудник оперативного отдела. Можете отдохнуть два дня, восстановить силы, потом возвращайтесь к работе.

«А извиниться? — подумал Алексей. — Или не принято? Лес рубят, щепки летят? Случай, если вдуматься, уникальный. Даже до трибунала не довели, хотя он и не выносит оправдательных решений. Видимо, кто-то наверху, обладающий здравым умом, в ужасе схватился за голову. Мол, что же вы творите, кретины?! А ведь субъектов, подобных Желтухину, не перечесть. Они живут не по закону, не по совести, а по ситуации. Чуют, откуда ветер, мигом приспособляются, лезут из кожи, чтобы услужить».

— Я могу идти? — Он в нерешительности топтался на месте.

— Вас проводить до выхода? — В глазах Желтухина блеснула недобрая искра. — Охранник проводит, не волнуйтесь. Вы и сами знаете, где надо получить вещи и расписаться.

Да, минули лучшие денечки. Владелец десятка правительственных наград, боевой офицер, неизменно преданный делу Ленина, чувствовал себя сломленным, опустошенным.

Треснул стержень, державший его многие годы. Работа на износ, гибель в Ленинграде жены и дочки, утрата друзей — все он снес, а вот сейчас сломался. Недоумение, обида, полная растерянность. За что?! Хорошая новость. Он не виноват. Надо же!

Алексей плохо помнил, как покидал оплот государственной безопасности областного масштаба, брел к воротам мимо газонов. От свежего воздуха кружилась голова. Только на улице, вымощенной булыжником, среди добротных каменных домов, в окружении прохожих, машин, трамваев, он начал приходить в себя, понимать реальность. Кравец глубоко вздохнул. Голова его вернулась на место, хотя в ней и оставалась тупая боль.

Он шагнул на рельсы, отшатнулся, когда под боком зазвенело, едва не угодил под бодро бегущий трамвай, пропустил его, перебежал через пути. Прохожие смотрели на него как-то странно, на всякий случай сторонились. Он шел по тротуару, стараясь не думать о том, как выглядит.

Улица шумела, чувствовалась близость к центру. Предприимчивые коммерсанты продавали с возов свежий хлеб. К ним выстраивались очереди. Мелькали чистильщики обуви со своими ящиками.

Алексей почувствовал голод, порылся в карманах, отыскал несколько скомканных купюр и отправился к ближайшему киоску. Он сунул

продавцу десять рублей, взамен получил бутерброд с тушенкой и чашку чаю. Вполне по-божески. К частным инициативам граждан власти пока относились снисходительно. Кравец жадно съел бутерброд, купил еще один, попросил вернуть и пошел через дорогу в сквер.

Почти все лавочки там пустовали. Он сидел в стороне от оживленной магистрали, рылся в мятой пачке «Беломора», жадно курил огрызки папирос. Мимо прошел патруль. Солдаты с интересом глянули на него, но донимать не стали.

Бытие города Львова уже два года перестраивалось по советскому образцу. Люди жили тут под поляками и немцами. Теперь все решительно менялось.

Важный стратегический центр Западной Украины, где сходились все дороги, и после войны имел огромное значение. В городе стояли воинские части, работали госпитали. Действовал комендантский час. Вокруг Львова тянулась тридцатикилометровая зона тотального паспортного контроля. Проверки на дорогах, патрули на каждом углу.

На предприятиях и в организациях с целью выявления националистического подполья создавались наблюдательные группы во главе с сотрудниками НКВД и ГБ. Тайные агенты работали повсюду — на заводах, в школах, в студенческих общежитиях.

Но обстановка оставалась сложной. Во Львове действовало бандеровское подполье, наносило

удары исподтишка, имело разветвленную сеть сторонников, конспиративных квартир и схронов. Бандитов из УПА не смущало наличие в городе воинских частей. Здесь работали подпольные типографии, на улицах расклеивались листовки, распространялась подрывная литература, орудовали мелкие террористические группы.

Подавляющее большинство советских служащих, чиновников и партийных функционеров были приезжими. Они попали сюда из восточных районов Украины, России, других республик СССР. Галицким украинцам власти не доверяли, их редко принимали на ответственную работу. Они и не рвались — боялись за жизнь. Подполье мстило жестоко.

Львов напоминал взъерошенный муравейник. После освобождения города сюда хлынули переселенцы с востока, причем не только те, кому обещали здесь работу. В город валом валяли голодающие из Бессарабии, всяческие деклассированные элементы, включая банальное ворье. Классово надежная, преданная власти публика составляла лишь незначительный процент. Компетентные органы сбивались с ног, трудились без выходных.

Все же город жил, развивался. Власть доказывала свою эффективность. Антисоветских выступлений становилось меньше. Львов хорошел. Закладывались новые скверы, высаживались деревья, открывались театры. Дороги и дома вос-

становливали военнопленные, с непревзойденным немецким качеством. На линии выпускались новые автобусы, трамваи.

Внимание Алексея привлек шум, донесшийся с улицы. Там как раз остановилось это самое транспортное средство, знаменитый львовский трамвай, сияющий свежей краской. Пассажиры висели на подножках — закончился рабочий день. Трамвай гудел, колыхалась в салоне человеческая масса.

На улицу вывалился невзрачный тип в кепке и покатился под колеса, изрыгая матерщину. Раздался пронзительный свисток. К остановке уже бежали два милиционера. Первый вытаскивал «наган» из кобуры. Из трамвая выскочили еще два человека. Грохнул выстрел, за ним другой. Кричали и шарахались прохожие, но из салона больше никто не выходил.

Алексей не шевелился, сегодня он был просто статистом. У трамвая вспыхнула драка, хлопнули несколько выстрелов. Подбежали двое в штатском с характерными лицами, ухватили невзрачного типа и потащили за угол. Он верещал, отбивался, за что и получил по шее.

Милиционер что-то кричал вагонновожатому, тот растерянно разводил руками. Страж порядка раздраженно махнул ему. Мол, езжай. Трамвай отправился по маршруту, стуча колесами по стыкам рельсов. На шпалах осталось неподвижное тело. Над ним возвышался милиционер. Он растерянно чесал макушку рукояткой револьвера.

Жизнь продолжалась. На улице снова возникли прохожие. Они шли, прижимаясь к домам, и опасливо поглядывали на покойника. Обычный криминал.

Невзирая на опустошительную войну, полное истребление евреев и интеллигенции, город Львов считался благополучным и зажиточным. Сюда на промысел приезжали воры даже из России. На улицах, в магазинах, в трамваях шайками работали карманники. Наглые, дерзкие, живущие по блатным понятиям. Дашь таким отпор — искалечат, даже убьют. На сей раз им не повезло, не на тех нарвались.

Он покосился по сторонам. В сквере было тихо. Подошел, прихрамывая, пожилой мужчина с тросточкой, сел на соседнюю лавочку, развернул «Львовскую правду».

Алексей грузно поднялся и отправился дальше. Он снимал квартиру неподалеку, в старом доме на улице Кирпичной.

Кравец срезал путь через блошинный рынок. Подобных площадок во Львове существовало множество, их контролировал кто угодно, только не власти. Милиция периодически устраивала облавы на спекулянтов, но завершались они, как правило, ничем. Крупных дельцов об этом предупреждали, у местного криминалитета имелась собственная «служба безопасности», связанная с чиновниками. Брали бесполезную мелюзгу. А завтра спекулянты снова торговали табаком, дрожжами, сахаром, умыкнутым с армейских складов.